

наши публикации

март 1987, № 21 (март)

Корней

ЧУКОВСКИЙ:

ОКСФОРДСКАЯ РЕЧЬ

Четверть века назад, в мае 1962 года, Чуковский ездил в Англию и участвовал в церемонии присуждения ему почетной степени доктора литературы Оксфорда «honoris causa». Из русских писателей до него эта степень была присуждена И. С. Тургеневу — в 1878 году. Впоследствии Анне Ахматовой — в 1965 году и академику Д. С. Лихачеву — в 1968 году.

На церемонии Чуковский выступил с речью на английском языке. Русский текст оксфордской речи Корнея Чуковского никогда не печатался и сохранился в его архиве. Публикуем фрагменты из этой речи, а также фотографию, сделанную фотокорреспондентом «Недели» В. Ахломовым в 1964 году.

У нашей соседки, вдовы моряка, улетел любимый попугай. Думали, что его съела кошка. Но я нашел его на чердаке невредимым. Соседка обрадовалась и дала мне в награду серебряный рубль да какие-то зеленые английские книжки — четырехтомное сочинение какого-то Джемса Бозвелла, эскайра, под неинтересным заглавием: «Жизнь Самюэля Джонсона».

Это было в Одессе — еще в прошлом столетии. Мне шел тогда семнадцатый год. Я был тощий, растрепанный, нелепый подросток. Назло учителям, выгнавшим меня из 5-го класса гимназии, я всю осень и зиму зубрил английские слова по самоучителю Оллендорфа, лелея обычную мечту тогдашних неудачников: убежать куда-нибудь в Австралию.

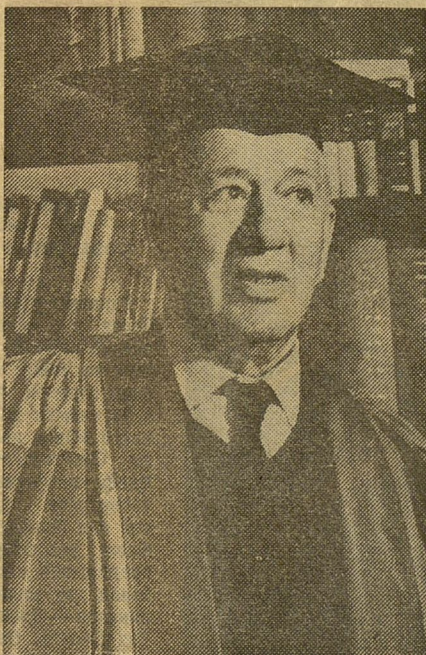
Придя домой, в свою конуру возле кухни, я стал перелистывать зеленые книги, с трудом разбирая в них отдельные фразы и поминутно заглядывая в англо-русский словарь Александрова. Вначале это было канительно и тяжело, но уже через несколько дней книга поглотила меня всего с головой. Я и сейчас не могу догадаться, каким чародейным искусством этот Джемс Бозвелл, эскайр, о котором я никогда ничего не слышал, приворожил меня к своему неотесанному, грубоватому Джонсону и заставил меня привязаться к нему всем моим мальчишеским сердцем.

С каждой страницей я все сильнее влюблялся в этот цельный, упрямый и гордый характер, в этот громадный, хотя и затуманенный предрассудками, ум, к которому так отлично подходят английские эпитеты robust¹ и vigorous².

Закончив первую книгу о нем, я сейчас же взялся за вторую и к рождеству одолел все четыре.

С того времени прошло шестьдесят лет, даже больше! Я пережил четыре войны. Но до сих пор каким-то чудом на полке у меня уцелели четыре зеленые книги, по которым я, одинокий подросток, учился без учителей и учебников любить литературу англичан.

Нельзя было и придумать лучшего учебника, чем «Бозвелл», так как это — в высшей степени английская книга. Литература Англии, как я убедился потом, очень богата большими и малыми Бозвеллами. Бозвеллировать — ее специальность, вызванная страстным интересом английских читателей к характерам, судьбам, делам и причудам всякой сколько-нибудь

выдающейся личности. Эти читатели как бы сказали себе: для человека нет ничего интереснее, чем другой человек во всех мельчайших подробностях его бытия. Оттого-то в английской литературе так много замечательных мемуаров о замечательных людях, всяких биографий, автобиографий, дневников и т. д. [...]

Этих книг я прочитал за свою долгую жизнь немало (забуду ли чудесную книгу Грэнта Ричардса «Хаусман»?), благодаря этим книгам по-новому оценил и почувствовал наши русские книги, например, воспоминания Ивана Панаева, Павла Анненкова, Павла Ковалевского и др. И воспоминания Горького, вершиной которых представляется мне очерк «Лев Толстой», — такой проникновенный, артистически тонкий. Я не говорю уже о книге «Былое и думы» А. Герцена. Это — монументальная книга могучей изобразительной силы и безоглядной, бестрепетной искренности. Невозможно понять, почему эта книга до настоящего времени не получила широкого признания в Англии...

СТРАНА, которую видишь сквозь ее поэзию и прозу, всегда представляется тебе в ореоле. Для меня Англия была и осталась страной великих писателей. Хорошо понимаю, что это наивно, но здесь уж ничего не поделаешь: видеть Англию исключительно в литературном аспекте и значит для меня видеть ее подлинную суть.

Конечно, я слышал много рассказов о лицемерии британцев, об их пресловутом cant'e³, об их чопорности, замкнутости и т. д. В газетах мне часто встречалось модное в те времена выражение «коварный Альбион». Очевидно, для этого были все основания и, я верю, достаточно веские, но мне выпала большая удача не сталкиваться с таким Альбионом, не ис-

пытывать его коварства и cant'a. И хотя из литературы я знал, что в Англии множество Пекснифов, но разве не та же литература явилась оружием анти-фарисеев, анти-Пекснифов, таких, как Годвин, Шелли, Байрон, Диккенс, Теккерей, Рескин, Вильям Морис, Бернард Шоу.

И те английские писатели, которых мне посчастливилось встретить во время своего краткого пребывания в Англии в 1916 году — Эдмунд Госс, Герберт Уэллс, Конан Дойл, Джон Бухан, Морис Беринг, Роберт Росс, — показали мне, при всем их различии, равно далекими от всяких «коварств», простосердечными, с открытой душой, без всякого камня за пазухой, такими же, как русские писатели, с которыми я общался всю жизнь.

Сам понимаю, что это чудачество, но, приехав, например, в Оксфорд и увидев там Бэллиол колледж, я только и вспомнил о нем, что это был колледж Суинберна, а увидев Магдален колледж, сказал себе: «Это колледж Оскара Уайльда».

А когда я впервые подошел к речке Айзис — это было в 1962 году, — я не без волнения вспомнил, что ровно сто лет назад жарким летом по этой самой воде проплывала длинная лодка, в которой сидели три девочки, сестры Лиделл, и с ними чинный математик Чарльз Лэвидж Доджсон, alias⁴ Льюис Кэрролл. Несмотря на жару, он, я думаю, так и не снял черного своего сюртука, не расстегнул своего крахмального ворота, но когда стал рассказывать девочкам, слегка заикаясь, сказку «Алиса в стране чудес», стало ясно, сколько веселого сумасбродства, озорства, необузданной детскости может порою таиться под черным сюртуком иного оксфордского «дона».

Конечно, ему и в голову тогда не пришло, что эта непутевая сказка, которую он выдумывал на досуге от нечего делать, затмит его ученые труды и доставит ему вечную славу на пяти континентах.

Где эта лодка? Где маленькие сестры Лиделл? Где вода, струившаяся среди этих лугов ровно сто лет назад? Где он сам, Льюис Кэрролл? А его сказка живет и живет несмотря ни на что, и вот уже второе столетие радует миллионы детей. Как же не верить, что литература прочнее всего и что нет такой силы, которая могла бы ее уничтожить!

Мне, старику-литератору, служившему литературе всю жизнь, очень хотелось бы верить, что литература важнее и ценнее всего и что она обладает магической властью сближать разьединенных людей и примирять непримиримые народы. Иногда мне чудится, что эта вера — безумие, но бывают минуты, когда я всей душой отдаюсь этой вере. «Разве не утешительно, — говорю я себе в такие минуты, — что за всю многовековую историю русско-британских отношений еще не было другого такого периода, когда Англия проявляла столь жгучий, живой интерес к языку и литературе России, а Россия — к языку и литературе Англии».

Будем же верить, что это к добру, — и давайте, несмотря ни на что, крепить, насколько это зависит от нас, наши дружеские литературные связи.

Хорошо понимаю, что это — банальный призыв, но продиктован он свежим, заново прихлынувшим чувством.

Публикация
Е. ЧУКОВСКОЙ

¹ Здравый.

² Энергичный.

³ Лицемерие, ханжество.

⁴ Иначе называвшийся.